

УДК 94(37).07

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РИМСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ТРУДЕ ГЕРОДИАНА**

© 2018 г.

К.В. Марков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

Рассматривается вопрос о роли пространственных аспектов репрезентации Геродианом политических процессов в Римской империи при последних Антонинах и Северах. Результаты исследования показывают, что имеющиеся в тексте указания на территориальную и культурно-географическую специфику различных частей империи привлекаются автором для определения истоков и характера гражданского противостояния в Риме при переходе власти к Северам. Вместе с тем раскрывается концептуальная роль пространственных категорий в освещении деятельности римских императоров и претендентов на данный пост.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, Геродиан, династия Северов, античная историография.

Труд Геродиана, «История императорской власти после Марка», является одним из немногих нарративных источников по истории Рима в период от кончины Марка Аврелия и до начала правления Гордиана III. Вместе с тем значение данного текста для исторических штудий на протяжении долгих десятилетий оценивалось исследователями весьма критически¹. Отмечалось, что Геродиан в большей степени, чем современные ему авторы, мог давать волю воображению, использовать литературные клише, допускать нарушение логики повествования, искажения и упрощения данных источников, опуская детали, представлявшие ему лишними [5, р. xxxix–xlili]. В качестве иллюстрации подобных недочетов среди прочего приводится обращение автора с географическими данными и пространственными категориями в целом. Труд Геродиана изобилует описаниями ландшафта, климата и населения различных частей империи, что характерно для античных историков со времен Геродота, но, как неоднократно указывалось, подобные отступления не отличаются обширностью и ясностью, а иной раз и точностью [6, с. 18]². Вместе с тем значимость пространственных категорий для труда Геродиана стала в последние годы предметом специальных исследований, проведенных Л.В. Питчером [7] и А.М. Кимизисом [8]. Опираясь прежде всего на рассуждения самого Геродиана, выступавшего, подобно Лукиану (Hist. conscr. 57), за избирательность в передаче географических данных и воздержанность от излишней топографической детализации сообщений о перемещениях римских императоров (II. 15. 6–7), Л.В. Питчер приходит к выводу о том, что имеющиеся в тек-

сте «Истории» географические пробелы и неточности в ряде случаев объясняются не столько неосведомленностью и некомпетентностью автора, сколько стремлением избежать нагромождения излишних подробностей и концептуальной спецификой [7, р. 270]. Главный вывод состоит в том, что любые пространственные детали имели в сочинении Геродиана определенные повествовательные функции. Полемизуя с выводами некоторых исследователей, трактовавших географические, этнографические отступления и топографический материал как украшательство, выполняющее прежде всего эстетическую функцию [5, р. 128–129], Питчер увидел в пространственных деталях труда Геродиана нечто большее, чем череду общих мест. Привлечение этих данных и их расположение определенным образом в контексте повествования, по мнению исследователя, было связано отнюдь не только с антикварным интересом автора, но имело исключительно важное концептуальное значение [7, р. 272]. Выступая, с одной стороны, как военный историограф, а с другой стороны, как историк, повествующий о смутных временах, Геродиан уделяет повышенное внимание проблематике контроля над пространством, например над границами империи. Так, ситуация в приграничных районах, изменения топографии границ – важная часть сюжетной линии сочинения Геродиана. Еще одна важная тема – борьба за пространство в пределах границ империи. Согласно Питчеру, успех или поражение политических лидеров, участвующих в борьбе за власть, часто увязывается Геродианом с их способностью контролировать пространство империи. С точки зрения иссле-

дователя, пространственные характеристики политического процесса в труде Геродиана выполняли тематические, символические и характеризующие функции, способствовали более глубокому раскрытию личностных черт политиков, как, например, в случае с Юлианом, который, согласно Геродиану, не осмелился выступить из города, чтобы встретить наступающего Севера. Геродиан придает отдельным местам особую символическую нагрузку. Например, Рим и Антиохия имеют еще одно символическое значение – средоточия роскоши и развлечений (I. 6. 1–2; ср. III. 14. 2; 2. 8. 9), Италия ассоциируется с праздностью, изнеженностью, беззащитностью (II.11.3,6), тогда как воинская доблесть, простота и чистота нравов обнаруживается преимущественно на границах империи. Такая «моральная география», как охарактеризовал ее Питчер, позволяла раскрывать связь динамики политического процесса с определенным географическим контекстом, на фоне которого разворачиваются исторические события.

Опираясь во многом на наблюдения Питчера, Кимизис также отмечает, что Геродиан уделяет повышенное внимание перемещениям императора в пространстве, будь то военные кампании либо смена дислокации в городе Рим и его окрестностях. Подобный подход Геродиана рассматривается как отражение развития политического процесса при Северах. Если некоторые Антонины, например Антонин Пий или Марк, могли долгое время оставаться в Риме и Италии, то для Северов, в связи нарастающей угрозой границам империи, экспедиции становятся нормой, а пребывание в столице едва ли не исключением. В этих условиях институт императорской власти перемещается из Рима в различные пограничные районы, а место нахождения императора варьируется между центром и периферией. Поскольку именно римские правители или претенденты на верховную власть занимают центральное место в повествовании Геродиана, «сцена», на которой разворачиваются события, перемещается от Рима к границам и обратно. Присоединяясь к мнению Питчера о значении для Геродиана дихотомии «центр–периферия» и проблематики императорского контроля над пространством империи, Кимизис приходит к выводу о том, что т.н. «символическая география» выполняла в данном сочинении важные повествовательные функции. Геродиан, как полагает Кимизис, демонстрирует влияние пространства (в частности, дислокации и перемещения императорской резиденции) на черты характера и стиль правления почти всех императоров, правивших после Марка Аврелия. Судьбы империи определяются географически-

ми и культурными различиями между центром и периферией и тем, в какой степени политики смогли осознать и использовать эти различия [8, р. 245]. Например, повествуя о двух молодых правителях из Сирии, Гелиогабале и Александре Севере, Геродиан создает своего рода «диптих» – историю двух юношей, правление которых заканчивается катастрофой, после того как один из них перемещается от периферии к центру, а другой – от центра к периферии. Гелиогабал, оказавшись в Риме, воспринимается как чуждый римлянам варварский правитель, в то время как Александр, предстающий в образе благочестивого греко-римского монарха, отправляется на восточную границу империи, затем в Германию. Здесь, будучи человеком столичным (a Roman creature), со всеми его манерами, мягкостью и зависимостью от матери, он совершенно не вписывается в походную армейскую жизнь и демонстрирует полную несостоятельность как военачальник. Таким образом, гибель обоих императоров обуславливается в первую очередь культурно-географическим фактором, ибо, как отмечает Кимизис, Геродиан показывает губительность несоответствия привычных этим правителям моделей поведения (связанных либо с «центром», либо с «периферией») сменившейся обстановке. Аналогичным образом передается история правлений Коммода и Каракаллы. Коммод направляется от Дуная в Рим после смерти его отца, Каракалла – из Рима на границу и в провинции после убийства своего брата. В обоих случаях это перемещение означает начало саморазрушения императора, ибо означает уход от реальности, самоизоляцию и фантазию.

Даже в том случае, если императоры, например Пертинакс и Юлиан, не покидают Рим, их карьера в передаче Геродиана имеет пространственное измерение. Рим в данном случае оказывается миниатюрной моделью перемещения во времени и пространстве, которая в случае с другими императорами раскрывается в масштабах империи. Общий итог наблюдений Кимизиса: императоры, как главные действующие лица, постоянно оказываются не в том месте и не вовремя, порождая тем самым кризисные, часто губительные для них самих ситуации. Так демонстрируется контраст между идеализированным правлением Марка Аврелия как олицетворением ушедшей эпохи и современными автору временами, характерной чертой которых становится дисфункциональность.

Мнения исследователей относительно выводов, представленных в работе Кимизиса, разделились. Критическая оценка представлена в рецензии А.В. Махлаюка. Отмечается, что неко-

торые выводы Кимизиса выглядят как преувеличение. Это касается в первую очередь вывода о том, что успех и неудачи исторических персонажей, равно как и судьба всей империи, определяется культурными и географическими различиями между столицей и окраинами империи. Некоторые трактовки Кимизиса, как полагает рецензент, производят впечатление подмены древнего текста «интерпретационными конструктами и схемами» современного исследователя. Наиболее яркие примеры – объяснение гибели Александра Севера его перемещением из привычной столичной обстановки в чуждую ему атмосферу имперской окраины, а также обнаружение географического аспекта в повествовании о Пертинаксе и Юлиане, которые никогда не покидали Рим [9]. Вместе с тем еще один рецензент, К. Бёрден-Стревенс, полемизируя с А.В. Махлаюком, отмечает, что Геродиан действительно показывает неспособность целого ряда современных ему правителей преодолеть те разделительные линии, которые возникают между центром и периферией. Именно так подчеркивается контраст между идеальным правителем Марком Аврелием и его преемниками [10, р. 17].

В связи с наметившейся дискуссией данная статья представляет собой попытку проанализировать территориальные и ландшафтные категории, представленные в труде Геродиана, дабы ответить, прежде всего, на вопрос о концептуальности репрезентации автором пространственных характеристик римской политики; во-вторых, выявить роль географических, этнографических и топографических описаний в контексте репрезентации автором римской политической жизни и, в-третьих, по возможности проследить корреляцию между пространственным измерением деятельности римских императоров и прочими факторами, оказывающими влияние на политический процесс.

Рим Геродиана: историческая сцена и пространство историка

Прежде всего вкратце рассмотрим вопрос о методологической основе современных исследований, посвященных отражению пространственных факторов римской политики в труде Геродиана. Питчер и Кимизис, придерживаясь методологии литературоведческих нарратологических штудий, рассматривают древний текст как «нарратив», т.е. некое целостное повествование, имеющее определенную структуру, в рамках которой отдельные элементы выполняют самостоятельные заданные автором функции [8, р. 10]. Таким образом, «История» Геродиана

исследуется как произведение художественной литературы, в котором концептуальное оформление, а иной раз и сюжетная линия оказываются продуктом авторского индивидуального творчества. Автор, согласно Кимизису, создает свой собственный «нарративный мир» как обобщенный образ бытия, раскрываемый в совокупности создаваемых историком образов прошлого [8, р. 11]. Таким образом, формируется особая «версия» репрезентации Римской империи как исторической сцены, где разворачиваются описываемые в тексте события [8, р. 14]. Подобный подход к изучению концепции Геродиана побуждает задать вопрос о том, в какой степени сознательное конструирование автором «повествовательного мира», если оно действительно имело место быть, соотносится с жанровой спецификой античной историографии, в частности с характерным для античных авторов представлением о том, что задача историка – поведать истину о прошлом, и именно достоверная передача информации о минувших событиях отличает историю от поэтического повествования, основанного на вымысле (Arist. Poet. 9. 1451 b 1; Polib. I. 14. 5–6, II. 56. 12; Luc. De hist. 8–9). Следуя, казалось бы, именно этой давней традиции, Геродиан в фукидидовой манере [4, S. 75–105] заявляет о своей приверженности к передаче засвидетельствованного и известного читателям исторического материала (1. 1. 3; ср. 1. 2. 5; cf. 1. 15. 4, 2. 15. 7). Тем не менее некоторым современным исследователям представляется не вполне очевидным, что данный принцип означал последовательно объективное и достоверное изложение имеющихся у него данных [3, р. 2820]. Нередко одним из оснований для подобных выводов служит представление о том, что главным источником для Геродиана послужила «Римская история» Диона Кассия [1; 11; 12, S. 7; 13, р. 3–5]³, а серьезные расхождения между двумя авторами нередко объясняются стремлением Геродиана к подаче материала под определенным углом (13, р. 5). А. Кимизис, в свою очередь, не считает, что содержание труда Геродиана зависело главным образом от «Римской истории» Диона Кассия, но не сомневается в том, что Геродиан был хорошо знаком с работой своего старшего современника [8, р. 228]. Именно сопоставление с версией Диона Кассия используется для выявления специфики Геродиана, в частности в вопросе о репрезентации передвижений императоров Пертинакса и Юлиана из дворца до преторианского лагеря и обратно как воспроизведенной «в миниатюре» дихотомии «центр–периферия». Если герои труда Диона перемещаются из одного места в другое «автоматиче-

ски» (74[73]. 11.2), то Геродиан передает детали следования Пертинакса и Юлиана по улицам Рима из дома к преторианскому лагерю, а затем в императорский дворец, упоминая участников процессий, реакцию толпы и т.д. (II. 2. 10, 6. 6–7; 6. 12–13) [8, p. 251]. Выводы Кимизиса вызывают некоторые вопросы. Во-первых, даже если мы допускаем, что императорский дворец по замыслу автора действительно мог символизировать «центр», то отождествление преторианского лагеря с «периферией», т.е. приграничными территориями, не вполне коррелирует с прямым противопоставлением «паннонского» войска Септимия Севера преторианцам, которых автор зачисляет в италийцы, особенно в контексте повествования о Юлиане. Во-вторых, характерное для Геродиана повышенное внимание к сценам, разворачивающимся на улицах Рима, вероятно, напрямую связано с его источниковой базой. Во введении автор, противопоставляя себя тем, кто передает сведения, полученные от других, заявляет, что пишет о событиях после Марка на основании «увиденного» и «услышанного» им в течение всей своей жизни (I. 1. 3; 2. 5). Так, например, мы узнаем, что в правление императора Коммода он присутствовал в Риме на играх и имел возможность видеть привезенных императором диковинных зверей (II. 15. 4). Он также стал свидетелем разнообразных зрелищ во время празднования секулярных игр в 204 г. (III. 8. 10). Таким образом, по крайней мере часть описанных Геродианом сцен общественной жизни столицы, встречающихся в тексте на протяжении всего повествования, основаны на воспоминаниях самого автора. Вместе с тем «История» Геродиана изобилует ссылками на слухи, молву [6, с. 36]. Есть такие упоминания и в рассказе о Пертинаксе (II. 1. 6, 4. 1, II. 6. 1) и Юлиане (II. 7. 2, II. 7. 5); даже дается указание на конкретное место народных сборищ, расположенное «на пути в ипподром», где эти слухи распространялись (II. 7. 3, 7. 5, 7. 7). Текст Геродиана, значительно уступавшего Диону Кассию по социальному положению, вероятно, отражает взгляд человека из толпы (будь то сам автор или прочие свидетели событий), знакомого с Городом и его населением, общавшегося с очевидцами и передающего свои и/или народные впечатления от экстраординарных событий, динамично разворачивавшихся на площадях и улицах Рима в мятежные 190-е гг. Геродиан в данном случае верен заявленному во введении к его труду принципу – писать о том, что хорошо ему знакомо. Похожий подход прослеживается и у Диона Кассия. Будучи высокопоставленным римским сенатором, повествующем о правлении Пертинакса и Юлиана также с

опорой на свои воспоминания (LXXIII[LXXII]. 18. 4), Дион гораздо чаще и более детально описывает происходящее в здании сената и императорском дворце.

Разделенная империя: географическая и этническая специфика как фактор политики

Вместе с тем сложно не согласиться с выводом Кимизиса о том, что в труде Геродиана в целом ряде случаев демонстрируются «разделительные линии» между Римом и отдельными регионами, а маркирование территорий по географическому или этническому принципу применяется для пояснения специфики политического процесса. Прежде всего это касается стереотипных представлений о населении той или иной местности, особенно в контексте повествования о гражданских войнах 190-х гг. Так, согласно Геродиану, паннонские войска состоят из паннонцев и иллирийцев (II. 9. 1), и поэтому им приписываются черты местного населения Паннонии⁴: с одной стороны – физическая сила, выносливость и кровожадность, а с другой стороны – тугодумие, излишняя доверчивость и неспособность распознать коварство (II. 9. 11). Именно этой местной спецификой автор объясняет доверие, оказанное паннонцами Северу, «притворившемуся, будто он не так желает захватить власть и приобрести для себя могущество, как отомстить за кровь» Пертинакса (II. 9. 10–11). Вот почему паннонцы, с точки зрения Геродиана, оказываются вовлеченными в борьбу за власть и провозглашают Септимия Севера императором (II. 9. 11). Они собираются мстить за Пертинакса прежде всего потому, что в Иллирике осталась добрая память о тех временах, когда он командовал там войсками (II. 9. 8–9). Мотивация паннонцев имеет подчеркнуто локальный, местный характер. Устами Севера Геродиан противопоставляет паннонское/иллирийское войско «италийцам» и находящимся под командованием Нигера «сирийцам» (II. 10. 5,7). Таким образом, поход Севера на Рим в репрезентации Геродиана оказывается походом иллирийского войска на Италию, а успешное продвижение войска также объясняется не столько отсутствием у Юлиана социальной опоры и поддержки среди населения, сколько местной спецификой, а именно утратой населением боеспособности. С точки зрения Геродиана, было бы естественным, если бы местные жители оказывали сопротивление нашествию паннонцев, но они не решаются, ибо не умеют воевать (2. 11. 4–6). «С тех пор же как единовластие перешло к Августу, последний

освободил италийцев от трудов, лишил их оружия и окружил державу укреплениями и лагерьми, поставив нанятых за определенное жалование воинов в качестве ограды Римской державы; он обезопасил державу, отгородив ее великими реками, оплотом из рвов или гор, необитаемой и непроходимой землей» (2. 11. 5). Геродиан, как мы видим, в данном случае проводит четкое разграничение между италийцами и воинами, стоящими на страже границ империи, объясняя тем самым, почему успевшие отвыкнуть от оружия жители италийских городов не осмеливались препятствовать продвижению иллирийского войска Септимия Севера (2. 11. 6). Тезис о том, что Италия и ее уроженцы совершенно не способны воевать, повторно появляется в труде Геродиана в контексте повествования об италийском походе Максимиана, в частности при осаде его войском Аквилеи (VIII. 2. 4). В данном случае автор игнорирует тот факт, что Аквилея осаждалась маркоманами за 70 лет до описываемых событий (Amm. Marc. 29.6.1). Сложно поверить в то, что Геродиану не было об этом известно [4, p. 260]. Таким образом, и в описаниях походов двух паннонских предводителей на Италию применяется сходное литературное клише для освещения прошлого под определенным углом, в том числе для того, чтобы не разрушать идеализированное представление о правлении Марка Аврелия как о времени, когда в империи царил мир, а войны велись только на границах [8, p. 243].

Италия – не единственная часть империи, где население утратило боеспособность. Та же участь постигла и греков, которые, «постоянно находясь в раздорах и стремясь истребить тех, кто казался выделяющимся из других, погубили Элладу. Их государства, одряхлев и изнунив друг друга, стали сначала легкой добычей македонцев, а затем рабами римлян. Эта болезнь ревности и зависти перешла и к процветающим в наше время городам» (III. 2. 8). Именно этой «типичной для эллинов ненавистью и завистью друг к другу» автор объясняет раздоры и распри на востоке империи, начавшиеся после известия о победе Септимия Севера над Песценнием Нигером в битве при Кизике (III. 2. 7).

Нигер, в свою очередь, представлен как повелитель сирийцев (II. 7. 4). Ему удается легко заручиться их поддержкой в предстоящей борьбе за власть потому, что, во-первых, «сирийское племя по природе легко возбудимо и склонно к изменению существующего положения», а, во-вторых, в силу природной склонности к празднествам и веселью сирийцы полюбили Нигера за постоянные зрелища и праздники,

которые он для них устраивал (II. 7. 9–10). В конечном итоге, согласно Геродиану, его губит именно эта местная особенность, склонность к изнеженности, праздности и тем развлечениям, которым он предается вместе с антиохийцами (II. 8. 9). Альбин же командует «британцами» (II.15.1), битва при Лугдуне рассматривается как противостояние «британцев» и «иллирийцев», которые не уступают друг другу храбростью и кровожадностью, и поэтому исход сражения долгое время оставался неопределенным (III.7.2).

Итак, региональные особенности и интересы представлены в тексте «Истории императорской власти после Марка» как важнейший фактор разжигания гражданской войны 190-х, которая в трактовке Геродиана оказывается не только борьбой за власть между амбициозными политиками, но и столкновением между разными частями империи. Именно территориальной спецификой определяется характер развития междоусобной борьбы и ее исход на разных этапах и участках, будь то Рим, Лугдун или Антиохия. Очевидно, что региональные особенности «паннонцев/иллирийцев» и «британцев», находящихся под властью соответственно Севера и Альбина, прописаны весьма схематично, и, следовательно, можно согласиться с А. Кимизисом, что население пограничных территорий воспринимается автором как люди одного порядка. Простота и суровость их нравов в ряде эпизодов прямо противопоставляется столичной роскоши (I. 6. 6; I. 7. 1; IV. 7. 1; ср.: III. 10. 4). По контрасту Рим показан средоточием всяческих пороков, будь то праздность, чревоугодие (I. 6. 1) либо честолюбие знатных патрициев (I. 6. 3). Изменения в образе жизни исторического центра империи автор, как мы видели, связывает с достижением Римом господства и преобладания над прочими народами и, как следствие, отсутствием необходимости в воинских занятиях и ратных трудах (II. 11. 6; VIII. 2. 4). Подобная репрезентация появившейся на определенном этапе специфики римского общества имеет определенное сходство с античным учением об упадке нравов, представленном как в виде общетеоретических размышлений (Plat. Leg. 830–832), так и применительно к сюжетам римской истории (Polyb. VI. 57. 5; Sall. Cat. 6–12). Тем не менее особенность Геродиана заключается не только в определении поворотного пункта в истории Рима, но и в том, что типология общественных нравов раскрывается большей частью не в периодизации, а в пространственных категориях, т.е. в противопоставлении приграничных территорий, где все еще в почете воинские доблести, защищенному и оберегаемому «кругу земель».

Вместе с тем совокупность рассмотренных выше конкретных трактовок событий иллюстрирует не только и не столько толкование Геродианом событий в русле бинарной оппозиции «центр» – «периферия», т.е. противостояние Италии и приграничных территорий, сколько дефрагментацию, дробление общеимперской политической повестки, и возникновение нескольких обособленных центров формирования и принятия политических решений, тем более что и Юлиана, Нигера и Альбина Геродиан называет «уже правившими государями» (III. 7. 8). Периферия империи в изображении Геродиана неоднородна. Восток, точнее, Сирия, отличающаяся изнеженностью и праздностью ее населения, в плане культурно-географической специфики оказывается ближе скорее к столице, нежели к северным областям. В одном же из эпизодов Рим противопоставляется Антиохии примерно так же, как до этого Паннония противопоставлялась Италии. Речь идет о подготовке Севером военной кампании против Нигера. Последний «бездействует» и «роскошествует» в Антиохии, тогда как противник готовит неожиданный удар (II. 14. 6). Именно Италия становится центром формирования войска, в которое призваны юноши из итальянских городов (II. 14. 6), и задействованы имевшиеся в Италии триеры (II. 14. 7). Восточному походу Александра Севера также предшествует привлечение «отборных воинов» из разных областей и в том числе из Италии (VI. 3. 2). Таким образом, Геродиан не всегда изображает итальянцев не способными воевать, и в данном случае результат политической борьбы определяется не столько территориально-географическими особенностями – скорее личными качествами Севера и Нигера, которые раскрываются в соответствии с топикой репрезентации удачливого и неудачливого полководца и политика.

Политические неудачи и неудавшиеся политики: парадигмы репрезентации?

Как уже было упомянуто, Геродиан, согласно Кимизису, демонстрирует роковую роль фактора пространства, точнее, культурно-географических различий в гибели некоторых императоров. В качестве показательного примера исследователь приводит повествование о гибели Александра Севера, которого, как предполагается, погубило несоответствие привычной ему манеры поведения обстоятельствам места, ибо, оказавшись в приграничных землях, император ведет себя так, будто находится в Риме [8, р. 249]. Действительно, сложно не согласиться с наблюдением Кимизиса о нарочи-

той демонстрации Геродианом контраста между относительно беспечной жизнью Александра в Риме и теми неурядицами, которые начинаются после того, как император оказывается за пределами Италии. Образ мирной и безмятежной жизни Александра в столице явно идеализирован, ибо, судя по данным других источников, Рим в силу мятежности преторианцев не был таким уж безопасным для императора местом, особенно после гибели Ульпиана. Геродиан же рассматривает первые тринадцать лет пребывания Александра у власти как период стабильного безупречного управления государством (VI. 2. 1). Своего рода черту под этой эпохой подводит сообщение о вторжении в Месопотамию царя персов Артаксеркса (VI. 2. 1–2). Неспособность Александра совладать с ситуацией, то «великое смятение», с которым император встречает новости с Востока, автор объясняет тем, что правитель «вырос в мире и всегда жил среди городской роскоши» (VI. 2. 3). Главным же мотивом убийства Александра Севера становится его неподобающее в определенной обстановке поведение: вместо решительных действий против германцев он предается роскоши и увлекается ездой на колеснице, проявляет медлительность, нерешительность и отсутствие отваги, что, в свою очередь, не сулит воинам никаких выгод (VI. 7. 10; 8. 4; 9. 4). Тем не менее жизнь и стиль правления Александра в контексте повествования о гибели императора преподносится в первую очередь как результат его воспитания сирийскими женщинами и следствие сохранения ими контроля над императором (VI. 8. 3, 9. 4), тогда как склонность к роскоши и неге, согласно Геродиану, это черта не только столичной жизни, но явление, характерное для городов восточной части империи (II. 7. 10). Вместе с тем Александр оказывается в одном ряду с целым рядом прочих политиков, которые, согласно Геродиану, терпят неудачу из-за собственного бездействия. Один из них – Юлиан. Он из страха не внимлет просьбам друзей, призывающих его предпринять активные действия и занять проходы в Альпах, сосредоточивается на бесполезных, с точки зрения автора, военных укреплениях вокруг Рима (II. 11. 8–9), а когда враг уже подступил к городу, он остается в императорском дворце и не является на заседание, на котором решается его судьба (II. 12. 5). Другой соперник Севера, Нигер, «медлит», «бездействует» и «роскошествует» в Антиохии в то время, когда Север активно готовится к походу (II. 2. 14). Затем он стремится захватить Византий, дабы укрыться от приближающейся армии Севера, ошибочно полагая, что так обезопасит себя (III. 1. 6–7); затем стре-

мится сдерживать противника, построив укрепление на горной тропе в Каппадокии (Ш. 3. 1–2). Главной же причиной смерти Нигера Геродиан называет «нерешительность» и «медлительность» (Ш. 4. 7). Альбина Геродиан характеризует как «беспечного и изнеженного» (Ш. 7. 1). Накануне решающего сражения с Севером он «запирается» в Лугдуне и, не выходя оттуда, отправляет войско в бой, пуская, таким образом, ход сражения на самотек; воины же терпят поражение, ибо в нужный момент не могут верно оценить боевую обстановку (Ш. 7. 2–6). Итак, перечисленные выше деяния неудачливых соперников Севера описаны Геродианом сходным образом и при этом весьма схематично. Претендуя на верховную власть, они вместе с тем реальной политической борьбе предпочитают поиск укрытия, будь то городская крепость или императорская резиденция. Возможно, авторские указания на то пространство, которым ограничивалось поле их деятельности накануне поражения, могли иметь символическое значение.

Питчер и Кимизис обратили внимание на определенное сходство между Нигером и Макрином, которые оба, согласно Геродиану, пытались править империей из Антиохии, словно находясь в Риме, и потерпели, таким образом, поражение вследствие неспособности должным образом контролировать пространство империи [7, р. 272; 250–251]. Да, автор в известной степени подчеркивает политическое значение Города, упрекая Нигера в том, что, ввязавшись в борьбу за власть, не спешил с отправкой в Рим (Ш. 8. 9). Тем не менее Геродиан поясняет, что своевременное прибытие в столицу, в свою очередь, позволило бы Нигеру поскорее появиться перед «иллирийскими войсками» и привлечь их к себе (Ш. 8. 10). Исход междоусобицы был бы предрешен, если бы, как надеялся Нигер, удалось заручиться поддержкой не только «лагерей, расположенных на Востоке», и «римлян», но и паннонско-иллирийского войска (Ш. 8. 10). Таким образом, в представлении Геродиана, контроль над центром, как показывает и данный случай, и пример Юлиана, – отнюдь не единственный залог успеха, скорее одно из сопутствующих условий. Более отчетливо роль Рима как столицы показана в контексте повествования, Макрином. Город предстает центром подвластной римлянам ойкумены (V. 2. 2), подчеркивается, что поддержка со стороны римского населения могла бы помочь императору избежать худшей участи, прибудь он вовремя в Рим (V. 2. 3). Вместе с тем еще одно неперемное условие возможного спасения Макрина – немедленный роспуск лагерей и отправка сол-

дат по домам (V. 2. 3), т.е. и в случае с Нигером, и в случае с Макрином автор проводит некоторое разграничение между контролем над Римом и контролем над войсками.

Отметим также, что образ правления Макрина прописан столь же схематично, что и поведение Нигера и Александра Севера. Правитель ведет праздный образ жизни: «он все время предавался усладам, тратя время на зрелища плясунов и исполнителей всяких видов искусства и ритмических движений, и был нерадив к делам правления» (V. 2. 3). Солдаты возмущены таким поведением императора. Наибольшее негодование вызывают его пряжки и пояс, украшенный золотом и драгоценными камнями – роскошь, подходящая скорее для варвара и женщин (V. 2. 4), а также контраст между тяготами воинской службы и роскошествами Макрина (V. 2. 6). Вот почему «они, нарушая дисциплину, между собой бранили его и желали ухватиться за незначительный повод для устранения того, кто их озорчал» (V. 2. 6).

Наиболее же яркий пример демонстрации Геродианом несоответствия императора той среде, в которой он оказался, – повествование о правлении Элагабала, большую часть которого составляет описание исполнения императором финикийских религиозных обрядов, в том числе исступлений и оргий, привнесенных императором в общественную жизнь Рима (V. 5–6). Главной же причиной гибели Элагабала становится желание воинов устранить непристойно ведшего себя государя (V. 8. 8), что демонстрирует роковую роль культурно-географических несоответствий.

В завершение данного обзора рассмотрим обозначенный в современных исследованиях вопрос о роли пространственных категорий в освещении Геродианом правления Коммода. Согласно Питчеру и Кимизису, описание его правления – это своего рода демонстрация пагубного влияния столичной среды на юношу, явившегося в Рим из Паннонии. Действительно, Геродиан показывает контраст между двумя этими мирами, и прибытие Коммода преподносится как начало его саморазрушения. Вместе с тем обратим внимание на ряд деталей. Проводниками Коммода в мир роскоши и праздности становятся императорские вольноотпущенники, которые прельщают его рассказами об италийских благах, которые противопоставляются первоначальному скромному образу жизни молодого императора в пограничной провинции (1. 6. 1–2). Таким образом, изначально в основе проблематики повествования о правлении Коммода оказывается вопрос о ближайшем окружении императора. Роль вольноотпущенников (см.

также I. 13. 1) преподносится в русле характерной для римской литературы топики репрезентации этой категории служителей (Sen. De ben. II. 5. 1–2; III. 23. 5; Plin. Pan. 88. 2–3; Cass. Dio LII. 37. 5). Вместе с тем политико-социальная подоплека территориальных перемещений императора Коммода разворачивается в труде Геродиана в более широкой плоскости. Наследник Марка Аврелия начинает править державой, в которой и сенат, и армия, и весь народ оказывают поддержку правителю (I. 6; 7. 1). После череды заговоров император отделяется от народа: «Коммод же, избежав злого умысла Матерна, усилил свою охрану и стал редко показываться народу, проводя большую часть времени в предместьях и императорских имениях вдали от города и отстраняясь от участия в судах и в государственных делах» (I. 11. 5). Во время событий, связанных с заговором Клеандра, Коммод где-то в предместье «предавался удовольствиям в уединенных местах» и не только не знал, но и запрещал докладывать о происходившем (I. 12. 5–6). Таким образом, на определенном этапе император оказывается вне Рима, он отстраняется от реального политического процесса, в то время как заговор Клеандра подавляется самим римским народом. После этих событий исчезает доверие в отношениях между императором и народом (I. 13. 7, I. 14. 7), а Коммод доходит до того, что пожелал сделать резиденцией гладиаторскую казарму (I. 15. 8) и устроить торжественный выход оттуда в сопровождении гладиаторов (II. 16. 3). Непосредственной причиной гибели становится перехваченная Марцией записка об устранении ближайшего окружения, в том числе вольноотпущенников, а также первейших людей в сенате для того, чтобы разделить их имущество с личной охраной и гладиаторами (I. 17. 1–2).

Таким образом, пространственные детали перемещений Коммода характеризуют масштабы его политики на разных этапах правления и наглядно показывают деградацию его режима, т.е. постепенное отстранение и отчуждение императора от всех групп населения, которые поддерживали его изначально. Определенная корреляция между пространственными и социальными характеристиками политического процесса позволяет по-новому взглянуть на поднятый Кимизисом вопрос о том, когда и, главное, как в представлении Геродиана разные территории приобретают совершенно новые, самостоятельные значения, которые, в свою очередь, играют важную роль в развитии сюжетной линии. По мнению Кимизиса, сам автор был больше сосредоточен на описании симптомов, чем на поиске истоков; вместе с тем очевидно, что эта

новая реальность наступает после возвращения Коммода в Рим [8, р. 360]. Отмечу в связи с этим, что указания на причины в труде Геродиана все же имеются. Они оказываются вполне очевидными, если учесть, что разрыв римского единства демонстрируется не только в географической, но и в социальной плоскости. Так, представленные в контексте повествования о междоусобице 190-х гг. характеристики отдельных регионов империи касаются в первую очередь военной сферы. Вместе с тем Геродиан, как следует из рассмотренного выше материала, неоднократно показывает, что именно войска играли ключевую роль в деле свержения и обретения новых правителей. Характер участия воинов в политике, по мнению Геродиана, меняется после провозглашения императором Юлиана. Именно тогда «впервые начали портиться нравы воинов, и они научились ненасытно и постыдно стремиться к деньгам и пренебрегать подобающим уважением к правителям». «Порча нравов» становится, таким образом, источником непокорности воинов и, как следствие, политической нестабильности и кровопролития в последующие времена (II. 6. 14). Подобная трактовка политической роли вооруженных сил, выдержанная и осмысленная в духе известного литературного клише (Sall. 11. 4), во многом совпадает с рассуждениями Диона Кассия (LXVIII. 3. 3; LXXVII. 4. 1; LXXIX. 18. 5; LXXX. 2. 2) [18, S. 2665], старшего современника Геродиана, и, вероятно, имела под собой определенные объективные основания. Как было показано на примере Песценния Нигера, для Геродиана контроль над пространством империи зависит во многом от поддержки, оказываемой правителю паннонскими и сирийскими войсками, которые предстают как две разные политические силы. Тем очевиднее на этом фоне идеализированность правления Марка Аврелия как эпохи, когда по всей империи разные категории населения были объединены вокруг императора, а Рим, согласно вложенной в уста Помпеяна формуле (I. 6. 5), был там, где находился государь.

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья».

Примечания

1. Г. Альфельди охарактеризовал труд Геродиана как «историческую новеллу» [1; 2, S. 90], но с такой характеристикой согласны отнюдь не все [3, р. 2829–2830; 4, S. 65–70].

2. Например, автор смешивает Счастливую Аравию и Аравию Скенитскую (III. 9. 3), указывает на восточную часть страны парфян как на место слия-

ния рек Тигра и Евфрата (VI. 5. 2), называет паннонское поселение Гема городом Италии (VIII. 1. 4).

3. Ряд исследователей придерживаются иного мнения, утверждая, что Геродиан использовал разнобразные источники и более-менее независим от версии Диона: [14, p. 87; 15, p. 74].

4. О репрезентации Геродианом воинов из приграничных районов как варваров см.: [16, p. 2877–2880]. Тацит также использует стереотипные представления о варварах для характеристики армии Вителлия в «Истории» [17, p. 37–55].

Список литературы

1. Alföldy G. Zeitgeschichte und Krisenempfindung bei Herodian // *Hermes*. 1971. Vol. 99. P. 429–449.
2. Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // *GRBS*. 1974. Vol. 15. P. 89–111.
3. Sidebottom H. Herodian's Historical Methods and Understanding of History // *ANRW*. 1998. 2.34.4. P. 2775–2836.
4. Hidber T. *Herodians Darstellung der Kaisergeschichte nach Marc Aurel*. Basel, 2006.
5. Whittaker C.R. *Herodian, I–II*. London; Cambridge MA: Loeb Classical Library, 1969–1970.
6. Доватур А.И. *Историк Геродиан // История императорской власти после Марка / Пер. А.И. Доватура. СПб.: Алетейя, 1995.*
7. Pitcher L.V. *Herodian // Space in Ancient Greek Literature / ed. I.J.F. De Jong. Leiden, 2012. P. 269–282.*
8. Kemezis A.M. *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.
9. Makhlaiuk A.V. Review of Kemezis, A. M. *Greek Narratives of the Roman Empire Under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014 // *BMCR* 2015.07.24. Режим доступа: <http://bmc.bryn.mawr.edu/2015/2015-07-24.html>.
10. Burden-Strevens C. Review-Discussion. *Historical Knowledge and Historical Narratives in the Severan Period // Histos*. 2016. 10. P. IX–XVIII.
11. Kolb F. *Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der Histori Augusta*. Bonn, 1972.
12. Zimmermann M. *Kaiser und Ereignis. Studien zum Geschichtswerk Herodians*. Munich, 1999.
13. Scott A.G. *Conspiracy as Plot Type in Herodian's Roman History // Mnemosyne*. 2018. Vol. 71. P. 434–459.
14. Potter D.S. *Literary Texts and the Roman Historian*. New York, 1999.
15. Gleason M. *Identity Theft. Doubles and Masquerades in Cassius Dio's Contemporary History // Classical Antiquity*. 2011. Vol. 30. P. 33–86.
16. Marasco G. *Erodiano e la crisi dell'impero // ANRW*. 1998. Teil. 2. Bd. 34. Hb. 4. S. 2837–2927.
17. Ash R. *Ordering Anarchy: Armies and Leaders in Tacitus' Histories*. London, 1994.
18. Blois L. de. *Volk und Soldaten by Cassius Dio // ANRW*. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2650–2676.

SPATIAL DIMENSION OF ROMAN POLITICS IN HERODIAN'S WORK

K.V. Markov

The aim of the article is to study the role of spatial aspects of Herodian's representation of political processes in the Roman Empire under the last Antonins and the Severans. The results of the study have shown that the references in Herodian's work to the territorial, cultural and geographical specifics of the various parts of the Empire are used by the author to determine the origins and nature of the civil confrontation in Rome during the transition of power to the Severans. At the same time, the conceptual role of spatial categories in covering the activities of Roman emperors and candidates for this post is revealed.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, Herodian, Severan dynasty, historiography of classical antiquities.

References

1. Alföldy G. Zeitgeschichte und Krisenempfindung bei Herodian // *Hermes*. 1971. Vol. 99. P. 429–449.
2. Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // *GRBS*. 1974. Vol. 15. P. 89–111.
3. Sidebottom H. Herodian's Historical Methods and Understanding of History // *ANRW*. 1998. 2.34.4. P. 2775–2836.
4. Hidber T. *Herodians Darstellung der Kaisergeschichte nach Marc Aurel*. Basel, 2006.
5. Whittaker C.R. *Herodian, I–II*. London; Cambridge MA: Loeb Classical Library, 1969–1970.
6. Dovatur A.I. *Istoriya imperatorskoj vlasti posle Marka / Per. A.I. Dovatura. SPb.: Aleteya, 1995.*
7. Pitcher L.V. *Herodian // Space in Ancient Greek Literature / ed. I.J.F. De Jong. Leiden, 2012. P. 269–282.*
8. Kemezis A.M. *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.
9. Makhlaiuk A.V. Review of Kemezis, A. M. *Greek Narratives of the Roman Empire Under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014 // *BMCR* 2015.07.24. Режим доступа: <http://bmc.bryn.mawr.edu/2015/2015-07-24.html>.
10. Burden-Strevens C. Review-Discussion. *Historical Knowledge and Historical Narratives in the Severan Period // Histos*. 2016. 10. P. IX–XVIII.
11. Kolb F. *Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der Histori Augusta*. Bonn, 1972.
12. Zimmermann M. *Kaiser und Ereignis. Studien zum Geschichtswerk Herodians*. Munich, 1999.

13. Scott A.G. Conspiracy as Plot Type in Herodian's Roman History // *Mnemosyne*. 2018. Vol. 71. P. 434–459.

14. Potter D.S. *Literary Texts and the Roman Historian*. New York, 1999.

15. Gleason M. Identity Theft. Doubles and Masquerades in Cassius Dio's Contemporary History // *Classical Antiquity*. 2011. Vol. 30. P. 33–86.

16. Marasco G. Erodiano e la crisi dell'impero // *ANRW*. 1998. Teil. 2. Bd. 34. Hb. 4. S. 2837–2927.

17. Ash R. *Ordering Anarchy: Armies and Leaders in Tacitus' Histories*. London, 1994.

18. Blois L. de. Volk und Soldaten by Cassius Dio // *ANRW*. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2650–2676.